

▲Глава 1

– Петя, Петюнька, нам было хорошо друг с другом, но знаешь, я тут подумала, эмм... с утра и поняла, что не готова к такому решительному шагу, как замужество. Даже с тобой: замечательным, надёжным, красивым. Ты ведь простишь меня?

Отражение в зеркале невинно захлопало накладными ресницами, и я пришла к выводу, что мне самое время хлопаться в обморок или лучше сразу уходить в кому. Наверное, только она и поможет избежать замужества с, в общем-то, классным, но совсем нелюбимым мужчиной.

А всё родители. Это они мне все мозги выели, изо дня в день зудя о том, как мечтают породниться с Петром Алексеевичем. Старшим. Через мою свадьбу с Петром младшим.

– Петюнь, пойми, мне ведь всего двадцать один. Мне ещё универ заканчивать, строить карьеру, влюбляться в мальчиков. Да и опыта сексуального поднабраться тоже не помешает.

Нет, про сексуальный опыт говорить точно не стоит. Это явно не те слова, которые без пяти минут муж ожидает услышать за пять минут до свадьбы от своей будущей жены.

– Прости меня, ладно? Давай останемся друзьями.

Чёрта с два он меня простит! Если я такое ему скажу, Оболенский прикопает меня где-нибудь у себя в саду, а мои родители ему помогут. Вместе с несостоявшимся свёкром.

Я заметалась по спальне, путаясь в пышной юбке и чуть слышно чертыхаясь. Что делать? Как быть? Как спасти свою молодую жизнь? Может, просто написать записку и сбежать как в каком-нибудь американском фильме? Малодушно, конечно, но зато меня уже точно никто не потащит вниз к гостям силой.

Петя, конечно, не потащит, а вот с отца станется. Это он был инициатором наших отношений и он точно не допустит, чтобы из-за меня расстроилась многомиллионная свадьба.

Скандал будет знатный.

Распахнув окно, я высунулась наружу и жадно глотнула ртом воздух. Заметив гостей, которые продолжали стекаться к дому Оболенских – сердцу старинной усадьбы, построенной Петиным прапрапрадедом, быстро засунулась обратно.

Через окно точно не сбежать. Во-первых, сразу засекут. Во-вторых, не спускаться же по простыням

с третьего этажа. Вот есть ещё фата, но вряд ли она выдержит даже мои ничтожные пятьдесят килограмм.

– Да-а-ань, ну ты как? Всё ещё волнуешься? – В комнату без стука вошла Карина и остановилась, нахмурившись. – Эй, а чего это ты такая бледная?

Я бросилась к ней, схватила дружку за руки. Наверное, в тот момент со стороны я выглядела, как ненормальная, но мне уже было всё равно. Я вдруг отчётливо поняла, что если сейчас сделаю это, выйду замуж за Петра Оболенского, повторю мамину судьбу и судьбу моей уже почти свекрови – стану просто красивым дополнением властного и успешного мужа.

– Карин, помоги мне сбежать!

Подруга тряхнула головой, словно пыталась отогнать от себя звуковую галлюцинацию.

– Что, прости?

– Я не пойду за него замуж.

Пару секунд она молчала, а потом взяла меня за плечи и, проникновенно глядя в глаза, легонько потрясла.

– Данька, ты чего? А ну быстро приходи в себя! Может, тебе успокоительного накапать? Или лучше коньячка для храбрости. Я найду! Сейчас всё принесу. Можно даже смешать успокоительное с коньячком, и жизнь сразу наладится.

Вряд ли. Разве что коньячок с успокоительным станут моими верными спутниками на весь период замужества. И в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас.

Ну или цирроз печени.

Карина попыталась было выйти, чтобы отправиться на поиски горячительно-расслабительного, но я **▲**вцепилась ей в руку мёртвой хваткой и зашипела не своим голосом:

– Не наладится! Я не пойду за него! Говорю же, помоги! Ты моя подруга или кто?

– Дань, это у тебя просто нервное. Со многими невестами такое бывает. Я вот на днях в «Космо» читала...

Теперь уже я её трясла и говорила, быстро-быстро, пока ещё оставалось время до похорон моей свободы, карьеры и сексуального опыта.

– Принеси мне какую-нибудь одежду. Не могу я сбегать в этом мешке!

– Платье от Веры Вонг – это не мешок, – оскорбилась подруга, словно это она своими руками мне его кроила и шила.

– Неважно. Найди что-нибудь попроще. О, можно даже форму официантки!

– Да где я тебе её найду?!

– Раздень кого-нибудь... Не знаю!

– Раздеть официантку? – Дружка дёрнула бровями.

– Карин, пожалуйста, нет времени.

Она подалась назад и посмотрела на меня так, будто видела впервые в жизни.

– То есть вот это всё сейчас серьёзно? Ты реально собралась кинуть самого лучшего мужика на свете? Чокнутая... А ты не забыла, что он входит в десятку самых завидных холостяков России по рейтингам Форбса? С утра до вечера забрасывает тебя подарками, катает на яхтах, на руках таскает.

А в перерывах между этим делом с модельками «отдыхает». Об одной такой модельке я узнала совершенно случайно и сразу попыталась прекратить это безобразие – наши с Оболенским отношения. Мама остановила. Мол, доказательств нет – только слухи. Нечего верить всяким глупостям. И даже если мужчина «вроде Петеньки», с утра до вечера вкалывающий как проклятый и зарабатывающий жене на радость миллионы, иногда сходит налево, в этом нет ничего преступного.

– Меньше тебя дёргать будет, – заявила она, ласково улыбаясь.

В тот день я поняла, что совсем её не понимаю и вряд ли когда-нибудь пойму. Прошла неделя, и вот я в свадебном платье стою посреди помпезно обставленной спальни и как никогда чётко осознаю, что мне ничего этого не надо. Ни громкой фамилии, ни миллионов, ни мужа-возможного-изменщика.

– Поможешь?

Подруга тяжело вздохнула:

– Куда я денусь, помогу. Жди здесь. И не вздумай лезть в окно!

– Не буду. – Я слабо улыбнулась, а когда за Кариной закрылась дверь, опустилась на кушетку в изножье кровати и облегчённо выдохнула, уверенная в правильности своего решения.

Нужно только дождаться Карину и...

– Ты ведь понимаешь, что она тебе не поможет?

Я резко подскочила на ноги и обернулась, зацепившись взглядом за высокую светловолосую женщину, а точнее, за её платье – пышное, как у меня. Вот только невеста здесь я, а не она. К тому же расцветка, ткань... Дама как будто наряжалась на маскарад.

– Кто вы? Откуда здесь взялись?

Складывалось впечатление, будто незнакомка появилась из воздуха или подобно привидению просочилась сквозь стену.

Вместо того, чтобы ответить, она шагнула ко мне.

– Как раз сейчас она мчится к твоим родителям. Чтобы скорее бежали сюда и приводили тебя в чувство. И они приведут. Так приведут, что опомниться не успеешь, как окажешься за ним замужем.

▲Присутствие чужого человека в спальне напрягало.

– Что вам нужно? – спросила уже резче, пристально изучая незнакомую женщину.

Нет, я точно её раньше не видела. Значит, со стороны Оболенских гостя.

– Я могу тебе помочь, Даниэла. Могу увести тебя отсюда так, что твоего исчезновения никто не заметит. А когда заметят, будет уже поздно. К тому времени ты уже будешь далеко. Что скажешь, девочка?

– Увести как? Дом полон гостей, охранников, слуг.

И я ещё надеялась убежать. Мечтательница!

– Через потайной ход, милая. Я проведу тебя по нему. – С этими словами она приблизилась к стене, затянутой старинным, выцветшим шёлком, на что-то надавила, и у меня на глазах с тихим щелчком распахнулась невидимая дверца.

А вот это уже интересно.

– Мы спустимся вниз и пройдем по подземному ходу. Тебе просто нужно следовать за мной. Что

скажешь? Согласна?

Скажу, что я на нервной почве всё-таки потеряла сознание и теперь брежу. Незнакомка, потайная дверь, подземный ход... Но если всё это – всего лишь мои фантазии, то почему бы и нет? Тем более что в одном эта женщина точно права – Карина побежала не официантку раздевать, а к моим родителям. Ну или к Пете.

По натуре я та ещё авантюристка, что не раз усложняло мне жизнь и отношения с отцом. Вот и сейчас почувствовала, как адреналин начинает бежать по венам и в голове пульсирует одна-единственная мысль: вперёд, во тьму долгожданной свободы!

– Пойдёмте!

Решительно шагнула к незнакомке, и та, довольно улыбнувшись, первой скрылась в тёмном проёме. Последний раз оглянувшись на спальню, в которой Оболенский в самое ближайшее время собирался заделать со мной первенца, уверенно двинула за дамой в старинном платье.

Вздрогнула, когда позади сама собой закрылась дверь, а на руке у моей провожатой затрепетал слабый огонёк.

«Значит, точно брежу», – пришла к выводу с каким-то флегматическим пофигизмом и последовала за так и не представившейся дамой с огоньком.

– Как вас зовут? Вы гостя со стороны моего жениха?

– Тише, Даниэла. Думай о том, что скоро окажешься от него далеко, и молчи. Ты ведь не хочешь, чтобы нас услышали?

– Да кто нас тут услышит?

Я обхватила себя за плечи руками, вдруг почувствовав, как со всех сторон потянуло холодом. Пугающим, зловещим. Нет, я никогда не страдала клаустрофобией и темноты лет с пяти перестала бояться, но сейчас отчего-то вдруг стало страшно. Появилось ощущение, будто на меня нападают стены. Давят, сжимаются, медленно подступая.

Ускорила шаг и не сразу поняла, что в тайном ходе я... одна. Не было больше ни незнакомки, ни тусклого огонька. Одна лишь кромешная тьма. Чувствуя, как по вискам начинает струиться липкий пот страха, повернула было обратно и упёрлась в стену. Испугавшись окончательно,

закрутилась,
завертелась, а потом сорвалась с места и бросилась бежать. Хотелось как можно скорее вырваться из этого непроглядного мрака, вдохнуть свежий воздух, осознать, что всё хорошо.

Я просто брежу. Всё это происходит не на самом деле. Надо скорее очнуться, прийти в себя. Ещё немного, и открою глаза. Ну же, ещё...

Пискнула, почувствовав, как обо что-то зацепилась, а потом закричала громко, пронзительно, осознав, что падаю. В эту треклятую тьму, казалось, поглотившую меня и моё сознание.

В себя пришла от чьей-то возни и приглушённых голосов. Вернее, это мне они казались приглушёнными, будто доносились из-под толщи воды, но судя по интонациям, эти люди были явно чем-то возбуждены или взволнованы, а потому говорили громко.
▲— Давайте, поднимайте её! Скорее! — звучал властный бас.

— Она приходит в себя! — вторило ему женское, слегка истеричное восклицание.

— Так быстро не должна, — заявила другая женщина, чей голос показался мне смутно знакомым, и в то же время я понимала, что совсем её не знаю.

Да что же происходит-то?!

Я вообще не видела лиц. Не понимала, где нахожусь и куда меня волокут. Мир вокруг казался скоплением блеклых пятен, напозавших друг на друга и мешавших понять, что со мной и где я.

Неужели всё ещё брежу? И не надоело...

— Экипаж уже подан, мой господин, — всё тот же робкий девичий голос.

— Нет времени на экипаж! Отправляемся порталом! — пробасил бас.

Ну то есть неопознанный мною тип с властным, низким голосом. Прямо как у моего отца и Петра Великого. Тьфу ты! Старшего. Петькиного отца.

— Церемония должна состояться до того, как она окончательно придёт в себя, — заявила знакомая незнакомка, и мне очень захотелось прийти в себя.

Увы, не судьба. В следующий момент меня ослепило вспышкой, такой ярко-пронзительной, что, наверное, я так до конца своих дней и продолжу видеть пятна, больше похожие на выгоревшие на солнце заплатки ткани. Пол под ногами дрогнул, словно тая, а в следующую секунду обнажённые

плечи обдало прохладой.

В нос ударил запах благовоний, резкий и удушающий, как если бы я вдруг оказалась в каком-нибудь православном храме. И музыка, лившаяся отовсюду, была соответствующая: тягучая, заунывная.

Она протягивалась по коже вместе с колючим холодом — от него по телу бежали мурашки.

— Скорее, скорее, — шептал кто-то совсем близко.

Я продолжала перебирать ногами, почему-то не способная остановиться, воспротивиться. Пыталась моргать, чтобы прогнать эту назойливую хмарь, вуалью наброшенную на глаза, — не получилось.

Тело не слушалось, мысли путались. Единственное, что удавалось, — это улавливать обрывочные фразы.

— Ваше величество, — раболепное, подобоострастное. — Вот ваша невеста. Леди Даниэла.

Я — Даниэла. Не скажу, что леди, но имя точно моё. И с каких это пор Петю величеством величают?

Мысль оборвалась, когда мою ладонь обхватили крепкие мужские пальцы. Чужое, незнакомое прикосновение. Вздогнула, когда наши пальцы переплелись: мои — ледяные, его — обжигающие, но вырвать руку так и не смогла. Тело по-прежнему оставалось мне непослушным.

Мгновение, и начавшие было расползаться пятна вдруг стали густыми чернильными кляксами. В голове противно загудело и, казалось, продолжало гудеть целую вечность, пока сознание не взорвалось от раскатистого голоса, эхом прокатившегося по храму, ну или где я там оказалась:

— Согласен ли ты, Редфрит Галеано Третий связать свою жизнь и свою судьбу с девицей непорочною Даниэлой-Бланкой-Федерицией пред живыми и мертвыми, пред богами и смертными? Здесь, в этот час и на веки вечные.

И снова имя — моё, а вот жених явно не мой.

— Согласен, — заявил не мой жених уверенно и властно, ещё крепче сжимая мою руку в своей.

Даже больно немного стало, и, как ни странно, в голове от этой боли вдруг начало проясняться, а кляксы перед глазами стали как будто прозрачными.

– А ты, Даниэла-Бланка-Федериция, согласишься ли посвятить свою жизнь и подарить свою судьбу нашему светлейшему правителю Редфриту Галеано Третьему? Быть ему верной и послушной женой пред живыми и мертвыми, пред богами и смертными?

Теперь я не только слышала монотонное бормотание священника, но и видела его лицо: одутловатое, с ярким румянцем на лоснящихся щеках. Видела широкую в белоснежном балахоне фигуру и раскрытую книгу, что лежала у него на ладонях. ♠Явно тяжёлый томик.

– Даниэла? – спросил священник, а потом чуть слышно добавил: – Вы должны ответить.

Почувствовав на себе взгляд Галилео Третьего, тоже на него посмотрела. Потом на себя (хм, а грудь-то как будто и не моя), потом снова на незнакомого мужика и честно произнесла:

– Нет, что-то не готова я.

По церкви пробежали взволнованные шепотки. Лицо незнакомого Редфрита вытянулось, недобро сузились глаза. Не то чёрные, не то тёмно-синие – в полумраке не разобрать.

– Даниэла, – проговорил он тихо, но с таким зверским видом, словно вот прямо сейчас готов был меня растерзать.

– Я, – полностью с ним согласилась, наверное, пытаюсь убедить в большей степени себя, чем его, что это действительно я.

А хотя... Снова опустила взгляд и сокрушённо вздохнула, не обнаружив у себя знакомые окружности.

Жених не мой, грудь тоже не моя. Вот что за ерунда?

– Что ты должна сказать? – жёстко спросил монарх, продолжая удерживать меня на мушке своего взгляда.

– А что я должна сказать?

Шёпот за спиной усилился, стремительно перерастая в тревожный гул. Хотела обернуться, чтобы уже точно понять, где я и кто там всё перешёптывается, но не смогла. Голова по-прежнему кружилась, а малейшее движение отдавалось болезненной ломотой во всех мышцах, словно я без

подготовки участвовала в многокилометровом кроссе.

Король (ну или галлюцинация – я по-прежнему не исключала и этого варианта) повернулся к священнику и властно поинтересовался:

– Мы можем пропустить эту часть обряда?

Служитель церкви округлил глаза, неуверенно пробормотал:

– Это... это про согласие?

– Про согласие, – мрачно подтвердил монарх.

– Но...

– Но я ведь не согласна, – заметила я, снова перетягивая на себя внимание короля.

Зря. Судя по хищно раздувающимся ноздрям и прилично так выступившим на скулах желвакам, его величество уже всерьёз подумывал о том, чтобы стать вдовцом. А ведь мы ещё даже толком не познакомились.

– Ещё одно неверное слово, Даниэла, и остаток своих дней ты проведёшь в монастыре, замаливая перед богами свои грехи. – Редфрит жёстко усмехнулся. Схватив меня за локоть, притянул к себе и процедил мне в губы: – Не искушайте меня, леди Фантальм. Я и так из последних сил сдерживаюсь, чтобы не отправить тебя в какую-нибудь богами забытую обитель или лучше сразу на тот свет.

Охренеть.

– Но я не хочу за тебя замуж.

И я не леди Фантальм.

Не хотела за Петю, а уж за незнакомого мужика, пусть даже и короля, тем более не хочу. Особенно за этого... Этого деспота! Видит меня впервые в жизни, ровным счётом ничего обо мне не знает и уже убивать меня собрался!

– Я тоже не хочу на тебе жениться, но ты не оставила мне выбора. – Горячий шёпот коснулся губ, и в меня плеснуло королевской ненавистью.

Такой жгучей, что тут же захотелось обратно в дом Оболенских к, возможно, неверному Пете.

▲Ответить на этот выпад я не успела. Повисшую было тишину развеял громкий стук

каблуков. Мне
даже показалось, как свечи в вычурных канделябрах, стоявших по обеим сторонам от
каменного
алтаря, с приближением женщины полыхнули ярче, и над ними испуганно затрепетало
пламя,
словно признавая в незнакомке свою хозяйку.

– Ваше величество, прошу простить меня, это всё моя вина, – опускаясь в низком
реверансе,
проговорила женщина.

Скосив на неё взгляд, я чуть не завопила на всю церковь. Не сделала этого только
лишь потому, что
в горле вдруг пересохло, а язык стал таким тяжёлым, словно мне вдруг сделали
пирсинг, вместо
сережки прицепив к нему килограммовую гирьку.

Это была та самая блондинка в парчовом платье, что затащила меня во тьму и вот
сюда, не знаю
куда.

– Моя миара очень сильно волновалась и переживала – совершенно обычное состояние
для
невесты перед свадьбой, и я велела служанке добавить ей в чай настойку иржи.
Дурочка плеснула
от души, а я, каюсь, не досмотрела, и вот результат – леди Даниэла не понимает,
что говорит.

– Хотите сказать, моя невеста не в себе? – скрипнул зубами монарх.

– В себе, не в себе – разве это имеет значение? – философски отозвалась женщина.
– Леди
Даниэла так долго гредила об этом дне и, уверена, не простит ни мне, ни себе,
если свадьба
отложится из-за моей оплошности.

Его величество слегка перекосило, но он быстро взял себя в руки и сказал уже
невозмутимо,
обращаясь к вконец раскрасневшемуся от волнения священнику:

– Продолжайте, святой отец.

Видимо, отсрочка свадьбы не входила в его планы.

– Невеста согласна выйти за меня замуж.

Минуточку... Не согласна я! Не. Сог. Лас. На! Что тут непонятного?!

– Но...

Я даже не заметила, как возле меня оказалась эта ведьма. Вроде бы только что
рядом с королём
стояла и тут на тебе – уже шепчет-шипит мне на ухо:

– Молчи или я превращу тебя в жабу. А о том, чтобы вернуться назад в свой мир, тебе и вовсе придётся забыть!

В свой мир... Если я не в своём, тогда получается, что в чужом? С чужим женихом, чужой грудью и просто потрясающим выбором: или в монастырь, или в жабы, или в королевы. Уж не знаю, что хуже.

Судя по отношению к невесте этого Редфрита, второе – податься в квакушки – всё же предпочтительнее, чем третье. Хотя, переехав на болота, вряд ли смогу отыскать дорогу домой. Не менее проблематично это будет сделать, будучи запертой в четырёх стенах с молитвенником и чётками. А если стану королевой... О правах и свободах жены незнакомого тирана мне ещё только предстояло выяснить.

Не дожидаясь моего ответа, священник прочистил горло и громогласно продолжил:

– Данной мне властью Светлого пантеона я провозглашаю тебя, Редфрит, и тебя, Даниэла, мужем и женою. Да соединится ваша кровь, ваши судьбы и ваши тела до тех самых пор, пока смерть не разлучит вас!

Все дальнейшие события, казалось, происходили не со мной. Я снова утратила контроль над собственным телом, вполне возможно, что к этому приложила руку та белобрысая стерва.

Удивительно, но я даже не пикнула, когда священник взял мою руку в свою, занёс над ней кинжал и чиркнул по ладони остриём, то же самое после проделав и с рукой этого Реда. В гладкой стали кинжала отражалось пламя, и я не могла отвести от него взгляда. Сделав нам обоим кровопускание, продолжая что-то монотонно бубнить себе под нос, священник соединил наши окровавленные руки и опутал их светлой тканью.

Ощущение, как по запястью струится кровь, смешиваясь с кровью совершенно незнакомого мне типа, вызывало внутри не самые приятные эмоции. Я бы даже сказала, отвратительные.

– Обещаешь ли ты, Редфрит, любить свою жену, оберегать её и хранить, как самое бесценное своё
▲сокровище?

– Обещаю, – послышался бесцветный, лишённый эмоциональной окраски ответ.

И я ему не поверила.

– А ты, Даниэла, обещаешь ли посвятить всю жизнь своему мужу и господину, хранить ему верность до самого последнего вздоха?

А короля почему про верность не спросили? Как у него вообще обстоят дела с её хранением?

Хотела уже возмутиться такой постановкой вопроса, но меня как будто что-то толкнуло изнутри, и вместо негодующего возгласа с губ сорвалось кротко-покорное:

– Обещаю.

У-у, и что это за фокусы?!

– Ваше величество, можете поцеловать свою жену.

Я было отшатнулась от монарха, совсем не желая с ним целоваться, но отшатнуться мне не дали.

Редфрит привлёк меня к себе; к счастью, не чтобы облизывать мне губы поцелуем.

Прижался к

моему виску губами, и его шёпот скользнул по коже. Чувство было такое, будто по ней полоснули

раскалённым в огне кинжалом, как несколькими минутами ранее по ладони.

– Надеюсь, леди Фантальм, вы поняли, что под любовью я подразумевал совсем другое чувство, полярно ей противоположное?

– Могли бы и не уточнять, – усмехнулась я, отстраняясь от короля.

Он стянул овивавшую наши запястья окровавленную тряпку, бросил её на алтарь, после чего взял

меня за руку, снова сплетая наши пальцы, и заставил развернуться к толпе, полной незнакомых

лиц. Та тут же разразилась громкими рукоплесканиями, приветствуя Редфрита и его новобрачную.

Меня.

Попаданку Дани, сбегавшую из-под венца, чтобы стать женой явно ненавидящего её, то бишь меня, мужика.

♠Глава 2

Король нетерпеливо сбегал по ступеням с возвышения, на котором только что успешно меня

окольцевал без моего на то согласия. Меня унесло за ним следом, потому что этот неотёсанный не

спешил разжимать пальцы. Наоборот, сжимал мою ладонь с такой силой, что я чуть руганью не

разразилась на всё святое место. К тому же мышцы по-прежнему ныли, мне было жутко неприятно

двигаться, тем более так быстро перебирать ногами, подстраиваясь под широкий шаг этого тирана.

Да и в целом было такое ощущение, что моя душа существует отдельно от тела.

А вдруг это не моё тело?! Грудь-то однозначно не моя. А-а-а-а-а!!!

Пока я мысленно вопила, продолжая постигать всю глубину задницы, в которой очутилась, перед нами продолжали кланяться и опускаться в реверансах все собравшиеся. А собравшихся в этой церкви было немало и все выглядели так, будто исполняли роли в каком-нибудь историческом фильме. Камзолы, мундиры, пышные платья...

Мамочка, вот это я вляпалась. Попала, можно сказать, по полной программе.

Нисколько не заботясь о моём состоянии, Редфрит ускорил шаг, будто торопился скорее отсюда сбежать.

– Куда-то опаздываешь? – спросила, не выдержав.

– Хочу, чтобы скорее закончился этот фарс, – глухо процедил король, словно крошил зубами бутылочное стекло.

Путаясь в пышной юбке, ещё более пышной, чем та, в которой я маялась всё утро, следом за супостатом выскочила на улицу и едва не ослепла от яркого солнечного света. После полумрака церкви это был тот ещё удар по моим рецепторам. Пришлось жмуриться и моргать, а король, словно упрямый мул, продолжал тянуть меня за собой.

– Если для тебя это фарс, зачем согласился на этот брак?

Редфрит резко затормозил, а вот я не успела (я вообще чувствовала себя сейчас неуклюжей гусыней) и врезалась ему в плечо. Нос тут же пощекотал яркий, мужской запах: терпкая трава под жарким солнцем, древесная кора с дымной горчинкой, острая сталь и кожа. Согласна, странные ассоциации, но, стоило признать, пах его величество довольно приятно.

И это, подозреваю, единственное, что было в нём приятного.

– Теобальд рассказывал, что у тебя своеобразное чувство юмора, но я не думал, что настолько, Даниэла. Тебе прекрасно известно, что я не отличаюсь терпением. – Глаза монарха недобро сузились.

И всё-таки они у него синие. Такого насыщенного, глубокого цвета, что кажутся почти чёрными.

Будь я поэтом, сравнила бы их с бездонными, опасными омутами, а так... Я ведь даже не знаю, кто я.

Леди Фонтан... Или как он меня там назвал.

— Продолжишь в том же духе, и спустя девять месяцев я вполне могу решить, что мне уже пора вдоветь.

Так, ясно: не драконить тирана. Я примолкла, понимая, что пока до конца не разберусь в этой заднице... ну то есть в ситуации, лучше не искушать этого Реда и свою горемычную судьбу. А то ведь действительно захочет овдоветь. И не через девять месяцев, а прямо сегодня.

— Счастья, счастья, счастья молодым! Света неиссякаемого, божественной благодати, наследников море и океаны любви!

Не надо про наследников. Как и про девять месяцев.

Я чуть не обомлела, когда меня и этого... мужа стали забрасывать крупной и лепестками роз. Нет, вот это-то как раз был вполне понятный, нормальный обычай. Удивило другое: над нами кружили с крошечными корзинками... феи. Эдакие миниатюрные симпатяги с полупрозрачными крыльями в ярких пышных платьицах.

— Счастья, счастья, счастья...

Редфрит даже ухом не повёл в их сторону. Отмахнулся раздражённо от пролетавший рядом красоти, как от какой-нибудь назойливой мухи, задев бедняжку своей ручищей. Та испуганно ойкнула, уронила корзинку и, пряча слёзы в глазах, полетела её подбирать.

— А можно осторожнее?

С моими глюками.

Я очень надеялась, что и Редфрит тоже окажется одним большим глюком, который в самом ближайшем будущем рассосётся в воздухе. Но воображаемый король что-то не спешил рассасываться и казался более чем реальным, а уж его «нежнейшие» прикосновения и подавно.

Проигнорировав мой вопрос, он снова схватил меня за руку и, сбегав по ступеням под громкие рукоплескания гостей, подтащил к помпезно украшенной карете цвета слоновой кости с золотым гербом на дверце. Видимо, специально под свой прикид подбирал — королевский мундир пребывал

в полнейшей гармонии с допотопной повозкой.

– Прошу, моя королева, – произнёс он сухо, да ещё с такой интонацией, будто вместо этого хотел сказать: «Скорее забирайся внутрь, су...!».

Ну в общем, вы поняли кто.

Пришлось забираться, хоть и получилось это не с первого раза. Незнакомый муж уселся напротив, но, прежде чем экипаж тронулся, в него заглянула та, которая действительно являлась самой натуральной дамой на букву С – похитившая меня ведьма.

– До встречи во дворце, Даниэла. – Дама С выразительно на меня посмотрела, после чего перевела взгляд на короля. – Ваше величество, ещё раз примите мои самые искренние поздравления.

От этих искренних поздравлений у его величества дёрнулся правый глаз.

Дверца кареты захлопнулась, послышалось громкое лошадиное ржание, удары копыт по мостовой, и экипаж сорвался с места, быстро увозя нас от церкви.

Редфрит смерил меня взглядом, таким, от которого всё внутри мелко задрожало. Сфокусировавшись на декольте с чужими прелестями, он скучающе заявил:

– Надеюсь, от тебя хотя бы будет толк в постели, Даниэла. Сегодня ночью я это выясню. А хотя... –

Он будто задумался над чем-то, а в следующую секунду по его лицу змей скользнула усмешка. –

Зачем откладывать до ночи то, что можно сделать прямо сейчас. В конце концов, теперь ты моя жена.

Выдав весь этот кошмар, тиран в одно мгновение оказался рядом и, бесцеремонно схватив меня в охапку, впился мне в губы пыточным поцелуем.

– Ум-м... – промычала я, упираясь ладонью ему в грудь и чувствуя, как губы начинают гореть от нежеланных прикосновений чужих губ.

– Что, не нравится? – Не теряя времени, мерзавец принялся шарить по моей-не моей груди пальцами, а потом грубо сжал её. Так, что я охнула от этого подлого приёма. – Ну ты ведь сама этого хотела. Даниэла!

– Вот этого точно не хотела! – возмутилась я, прицеливаясь к щеке короля.

Интересно, за пощёчину меня казнят? Или, может, получив оплеуху, его величество только

укрепится в своём желании разложить меня вот на этом сиденье и сделать своё чёрное дело.

Продолжая удерживать меня одной рукой, другой этот мужлан уже вовсю задирает мне юбку...

много юбок, а я (видимо, на нервной почве) злорадствовала в мыслях. Посмотрим, кто победит в этой неравной битве: тиран или юбки. А там ведь ещё, судя по ощущениям, на страже самого сокровенного стоят и панталоны. Да и я так просто не сдамся. Повоюю за тело, в котором оказалась!

– Думала, я буду носить тебя на руках? После того, что ты выкинула!

– Думала, что ты не будешь таким выродком!

Не знаю, зачем это сказала, просто... Ну ведь он и в самом деле мерзавец и выродок! Вот кто так поступает с новобрачной? А я привыкла говорить людям правду. Пусть даже нелюбимую.

– Я долго терпел твои выходки, в память о Теобальде, но эта женитьба стала последней каплей.

Поцелуй-укус достался изгибу шеи, и в меня будто вселились демоны. Толком и не поняла, что случилось. Я просто так на него разозлилась, что воздух между нами вдруг начал искриться. В буквальном смысле этого слова. Мгновение, и слепящие искры ударили в Редфрита, отбрасывая его в угол кареты.

– Ведьма, – сплюнул он, прожигая меня таким взглядом, от которого захотелось накрыться всеми юбками сразу, только чтобы его не видеть.

– Это ты довёл меня до такого состояния.

– Хотел бы я сказать, до чего ты меня довела! – прорычал он не хуже зверя.

Собиралась уже признаться, что лично я ни до чего его не доводила и вообще вижу его впервые в жизни – все претензии к той блондинке, но стоило только об этом подумать, как голова пошла кругом. Так сильно закружилась, что пришлось откинуться на мягкую спинку, прикрыть глаза и начать часто-часто дышать.

– Что с тобой? – перестав звереть, спустя минуту или две поинтересовался король.

– Отхожу от попытки изнасилования. Разве не видно? – огрызнулась я, продолжая чувствовать, как у меня мозги сворачиваются в крендельки и трубочки.

– Ты ведь понимаешь, что мне в любом случае придётся с тобой спать?

Бедный, бедный монарх. Придётся ему. Вон как сейчас себя заставлял, через силу прямо-таки меня лапал и целовал.

Гад!

– А ты не мучай себя и спи с кем-нибудь другим, – посоветовала ему, не открывая глаз.

– Это само собой разумеется. – В голосе Редфрита отчётливо слышалась ядовитая усмешка. – Но раз уж детей я могу иметь только от тебя, придётся тебе пораздвигать ноги, пока не забеременеешь, любовь моя.

Последнюю фразу он особенно выделил, вкладывая в неё, понятное дело, совершенно иной смысл.

А я ещё Петю ругала. Да по сравнению с этим представителем... животного мира мой жених просто мечта, а не мужчина. Что же касается вот этого – кошмар наяву и ужас воплоти.

Карета резко остановилась. Пришлось вцепиться пальцами в стёганую сидуху, чтобы не упасть в объятия его величества. Наобнимались уже. Хватит на ближайший век.

– До встречи на праздничном пиру, Даниэла.

Редфрит вышел из кареты первым, больше даже не взглянув в мою сторону. К нему тут же подскочили с поклонами несколько придворных и что-то быстро заговорили, продолжая кланяться его величеству. Их слов я не расслышала. Король широким, по-военному резким шагом направился к парадному входу дворца, и зная в ярких одеждах засеменила за ним следом.

А я тихонько присвистнула, на какое-то мгновение даже позабыв об инциденте в карете. Дворцово-парковый ансамбль королевской резиденции впечатлял. Я училась на архитектора, обожала свою будущую профессию, и сейчас просто не могла не отметить искусную вязь лепнины на изящных балконах, красоту высоких стрельчатых окон, многочисленные террасы и венчавшие каменные выступы фантасмагорические статуи.

Я люблю путешествовать, и за свою недолгую жизнь посетила немало дворцов и замков, но все они ни в какое сравнение не шли с этим шедевром иномирского зодчества. Я настолько увлеклась созерцанием окружавшей меня красоты и роскоши, что не сразу заметила

приблизившегося к
кажете странного человечка.

— Ваше величество, прошу.

Пузатый, зелёный, большеротый — он чем-то напоминал лягушонка, непонятно с какой целью обряженного в ливрею лакея. Даже пальцы руки, которую он мне протянул, чтобы помочь выйти из кареты, были соединены полупрозрачными перепонками.

Феи, говорящие двуногие квакушки... Какие ещё меня впереди подстерегают глюки?

Или это всё-таки не глюки?

Лягушонок (или вот такой вот необычной наружности карлик) почтительно поклонился, стоило мне спуститься со ступеньки-подножки, и по широкой насыпной дороге повёл меня ко дворцу, выстроенному из светлого с бежевым оттенком, будто топлёное молоко, камня. К нам тут же присоединились какие-то люди: разряженные дамы, расфранченные мужчины. Все дружно и вразной поздравляли меня со счастливым замужеством (да уж, счастливее не придумаешь), заверяли, как они безмерно рады, что именно я, Даниэла-Бланка-Федерия Фантальм, стала их королевой и что только такая умница-разумница, как я, достойна сидеть на троне подле их замечательного короля.

Хотела бы я знать, в каком таком месте он замечательный... А впрочем, нет! Мне совершенно неинтересен ни он сам, ни его... хм, замечательные места.

И куда это меня фантазия завела?

— Желаем вам счастья!

— Долгих лет правления! — продолжали наседать преследователи.

— И скорейшего наследника!

Помешаны они здесь все, что ли, на наследниках?

Видимо, это были местные подхалимы. На лицах всех до единого читались откровенно лицемерные улыбки. Я тоже вроде как улыбалась, натянуто и явно фальшиво, мечтая поскорее избавиться от общества всех этих непонятных личностей.

Даже не получилось толком рассмотреть внутреннее убранство дворца — перед глазами мельтешили напудренные лица в обрамлении напмаженных шевелюр.

Вот так, провожаемая пёстрым многоголосым «шлейфом», по широкой мраморной лестнице я поднялась на третий этаж. Один «лягушонок» молчал, и к нему я сейчас испытывала больше симпатии, чем ко всей этой галдящей ораве.

– Ваше величество, я бы почла за честь стать вашей фрейлиной...

– Ах, я бы служила вам верой и правдой до последнего своего вздоха!

– А я из рода Ольтеров, моя королева. Моя маменька на протяжении двадцати лет преданно служила покойной правительнице. Да хранит светлейшая Мириелис её душу. А моя бабушка...

Кажется, ещё немного, и у меня голова треснет подобно переспевшему арбузу. Хотелось сорваться на бег, невзирая на боль в мышцах, и броситься прочь. Прочь от этого пчелиного роя, который продолжал назойливо жужжать и дико меня раздражать. Надеюсь, там, куда меня ведёт мистер Квак, я смогу наконец остаться одна и привести в порядок мысли.

Ещё одни двери, ещё один зал, и «лягушонок», развернувшись к моим фанатам, провозгласил:

– Её величеству необходим отдых перед пиршеством и Тёмным обрядом.

Что, обряда в церкви им было мало?

Вопросы продолжали множиться. Боюсь, у меня действительно скоро голова взорвётся.

Неприязненно взглянув на слугу, придворные начали кланяться и опускаться в реверансах, при этом ещё умудряясь грациозно пятиться. Видимо, поворачиваться к королеве филейным местом здесь было не принято.

Допятившись до выхода, они наконец исчезли, и я облегчённо выдохнула. Мой провожатый толкнул двери, расписанные золочёным узором, и мы оказались в небольшой комнате – что-то вроде дамского будуара или гостиной.

– Спасибо, что помог от них избавиться, – искренне поблагодарила я малыша.

Он обернулся и округлил свои и без того большие навывкате глаза, отчего те, казалось, сразу заняли пол-лица.

– Ваше величество, мой долг служить вам. Для меня честь и радость... и... – залепетал, явно робея.

– Как тебя зовут?

А вот теперь он хлопал глазами, быстро-быстро, и выглядел, мягко говоря, растерянным.

– Я ваш покорный слуга и раб, ваше величество. У таких, как я, не бывает имён.

– Что значит не бывает имён? Имена есть у всех.

▲«Лягушонок» потупился и, густо краснея (яркий румянец смотрелся очень необычно на зелёных щеках), тихо проговорил:

– Другие презренные называют меня Кролеоном.

Презренные? Судя по ощущениям, у меня по затылку только что пробежала первая трещинка.

– А как насчёт Лео? Каюсь, у меня ужасная память на имена и с детства привычка их сокращать.

Кролика... Кроля... в общем, твоё полное имя я вряд ли запомню – точно не с первого раза, а вот Лео запросто.

Малыш резко вздохнул, взволнованно и как мне показалось чересчур растроганно.

– Ваше величество, я ведь просто раб и слуга...

– Ты Лео, – мягко поправила его я.

– Лео, – эхом отозвался он, снова кланяясь, как будто спешил спрятать вновь полыхнувший на щеках румянец.

– Приятно познакомиться, Лео. Я – Даниэла.

Поняв, что последнее уточнение было лишним, выпрямилась и, добавив в голос величественных ноток, проговорила:

– Я хотела сказать, Даниэла – королева.

– А я ваш покорный слуга, – снова затянул он свою песню.

Продолжая кланяться и расшаркиваться, Лео проводил меня в спальню, где всю хозяйничали летающие милахи, очень похожие на тех, что осыпали нас с Редом возле церкви крупой и лепестками.

Две феи порхали над разложенным на кровати пышным платьем, щедро посыпая его какой-то мерцающей пылью. Другая сосредоточенно рылась в резной шкатулке – одной из многих, что

громоздились на туалетном столике. Заметила ещё одну крылатую красавицу, составлявшую цветы в вазе и что-то негромко напевавшую. Такое же мелодичное пение доносилось из смежной комнаты, дверь в которую была приоткрыта.

При виде меня феи дружно ахнули и застыли. Только их крылья продолжали взволнованно трепетать.

— Моя королева! — выдохнули они дружно спустя секунду.

— Не буду мешать вам отдыхать. — Поклонившись в который раз (и не надоедает им), Лео вышел из спальни, претворив за собой двери.

— Доброго дня, красавицы! — бодро поприветствовала я эту необычную компанию.

Они все напоминали хрупкие статуэтки балерин, которые так любила коллекционировать моя бабушка. Ростом с ладонь или чуть больше, изящные и тоненькие. Волосы собраны в замысловатые причёски, украшены цветами и крошечными камнями. Большие глаза, румянец на щеках и поблёскивавшие на солнце крылья, от которых я не могла оторвать взгляд, довершали сказочный образ этих чудесных созданий.

— Красавицы? Мы? — всполошенно зашептались они.

Одна из фей, та, что занималась цветами, пискнула, приложив ко лбу тоненькую ручку, и рухнула на столик в аристократическом обмороке.

— Что это с ней? Ей плохо? — заволновалась я.

Вместо того, чтобы броситься приводить подружку в чувство, феи вразнобой загомонили:

— Но мы ужасны!

— Отвратительны!

— Омерзительны и противны!

Да они себя в зеркале видели?

— Презренный народец!

▲— Гадкие насекомые!

— Ничего подобного! — заявила я, перекрывая поток глупостей. Хотелось бы мне знать, откуда растут ноги у всех этих комплексов. — Вы все прехорошенькие. И совсем не похожи на насекомых.

Феи молча переглянулись, похлопали глазами и, издав слаженное «ах!», тоже потеряли сознание.

Я что-то не то сказала?

Вернуть их к жизни я не успела. Двери за спиной распахнулись, и в спальню вошла моя недавняя знакомая — мадам Стерва. Обведя комнату цепким взглядом, она нахмурилась и властно поинтересовалась:

— Ты что с ними сделала?

— Просто поздоровалась.

Дама чуть слышно хмыкнула, а потом громко воскликнула:

— А ну брысь отсюда! Пошли вон! Все!

Феи тут же пришли в себя, метнулись к приоткрытому окну и, неуклюже толкаясь, стали одна за другой вылетать наружу. Дождавшись, когда улетит последняя, блондинка закрыла окно и, обернувшись ко мне, сказала:

— Думаю, я задолжала тебе ответы, Даниэла.

Я скрестила на груди руки, с обидой и неприязнью глядя на источник своих бед.

— Вы задолжали мне обратный билет на Землю.

Ведьма кивнула. Стянув тонкие кружевные перчатки, опустилась в кресло возле камина и ровно проговорила:

— И ты его получишь. Обещаю. Как только я исцелю свою миару, ты вернёшься домой.

▲Глава 3

Знакомое слово царапнуло разум. Миара? Кажется, так она обращалась ко мне в храме.

— Что с вашей миарой? Кто такая миара? Почему именно я заняла её место? И что вообще здесь происходит?!

Умом понимала, что нужно оставаться спокойной и собранной, вот только сдерживать эмоции не получалось. Они выплёскивались из меня как вышедшее из берегов море, тёмное и беспокойное.

— Присядь, дорогая, — поманила меня мегера, предлагая устраиваться в соседнем кресле.

Вычурном, как и всё в этой спальне, затянутом тёмно-красной тканью с золотыми аппликациями.

Тело по-прежнему ощущалось, как инородный элемент или вернее будет сказать паразит, намертво присосавшийся к моей душе. Ломило мышцы, сводило руки, и ноги были такими тяжёлыми, словно на мне вместо атласных туфелек красовались башмаки из цемента.

Поэтому я приняла её приглашение. Опустилась в кресло и, вперившись в ведьму взглядом, пристальным и изучающим, потребовала:

— Говорите!

Незнакомка кивнула, коротко улыбнулась, после чего вкрадчиво произнесла:

— Для начала, Даниэла, позволь представиться. Меня зовут Эдара Реалис. Я — хирата леди Фантальм.

— М? — переспросила я.

— Если коротко и упрощённо, я её наставница. Та, что вырастила её, воспитала, вложила в неё все знания, которыми обладаю.

— А миара, выходит, это что-то вроде ученицы?

Эдара кивнула:

— Опять же, если упрощённо, то да — ученицы, воспитанницы. У хираты она может быть только одна и на всю жизнь. Ради наших миар мы отказываемся от семьи, от радости материнства, от любви мужчины, чтобы ничто не отвлекало нас от наших воспитанниц.

Я мысленно присвистнула. Непростой выбор. Будь я на месте этой Реалис, не уверена, что смогла бы отказаться от семейного счастья ради чужого ребёнка.

Нет, конкретно сейчас мне о детях даже думать не хочется, но когда-нибудь в будущем... Ведь захочется же?

Жаль, что моему новоявленному мужу приспичило обрюхатить меня вот прямо сегодня.

— У вашей Даниэлы есть родители?

Заметила, как по лицу блондинки пробежала тень, но она тут же её прогнала и лучезарно заулыбалась:

— Даниэла — дочь маркиза Рандульфа Фантальма — выдающегося воина и полководца,

генерала
королевского войска. Мать моей миары, Аделина Фантальм, – на секунду или две
тень на красивое
лицо Эдары вернулась, но она снова быстро взяла себя в руки, – тоже принадлежит
к славному и
очень старому аристократическому роду.

В общем, Даниэла у нас барышня породистая. Ну прямо племенная кобыла, коей её и
видит его
тираничество.

– Скоро ты с ними познакомишься. Они в курсе подмены.

Наверное, это те засранцы, что потащили меня в храм через какой-то там портал.
Это их голоса я
слышала. Почти уверена, что властный бас принадлежал генералу, а истеричный
фальцет – моей
как бы маменьке.

– Кто ещё в курсе вашей аферы с душами?

– Семейный чародей Фантальмов – без него я бы не справилась. Это он помог
провести твою душу
в наш мир. Также в курсе камеристка Даниэлы. Но ты не переживай, Саранна –
надёжная девушка,
она тебя не выдаст и всегда будет на подхвате.

– А я и не переживаю. Пусть бы и выдала. – Посмотрела на неё и мрачно хмыкнула.
– С чего вы
решили, что я соглашусь играть в ваши странные игры? Ничто не мешает мне при
следующей же
встрече с королём рассказать, что он женился на другой Даниэле.

Эдара закинула ногу на ногу, постучала по подлокотнику пальцами. По тонким губам
скользнула
усмешка, беспечная и уж слишком самоуверенная.

Ох, не нравится мне всё это.

– Ну, во-первых, кое-что всё-таки мешает – мои чары. Всякий раз, когда ты будешь
пытаться
рассказать, написать или ещё как-то дать понять, что ты – иномирянка, будешь
терять сознание,
моя дорогая. Лучше потом, на досуге, поэкспериментировать, – заметив, что я
раскрыла рот,
спешно добавила ведьма. – У меня сейчас нет времени приводить тебя в чувство.

Рот я захлопнула – банально задохнулась от возмущения наглостью этой стервы.

– Во-вторых, даже если предположить, что Редфрит каким-то образом узнает правду,
думаешь, он
станет с тобой возиться, искать способы вернуть тебя обратно, тратить время и
магию?
Переселение душ – очень древнее колдовство, доступное единицам, а нашего короля

едва ли
можно назвать мужчиной с большим добрым сердцем. Он жёсткий, а порой и жестокий
правитель и
с подданными не привык церемониться.

Тиран, одним словом.

– Ему чуждо сострадание и уж точно ему будет безразлична судьба приبلудной
иномирянки. Узнав
правду, сразу он тебя, конечно, не убьёт, – вроде как обнадёжила меня ведьма. –
В любом случае
дождётся наследника. А потом вполне может уничтожить ту, что его обманывала.

– И вас вместе со мной, – справедливости ради заметила я.

– И нас вместе с тобой, – склонив голову, признала Эдара. – Но тогда ты уже
точно не вернёшься
домой. Я призвала тебя и я смогу отправить тебя обратно. Просто дай мне немного
времени,
Даниэла.

– Почему я должна верить тебе на слово?

– А у тебя нет выбора, милая, – усмехнулась интриганка. – Как его не было и у
меня. Мы обе
заложницы ситуации, спровоцированной моей миарой.

Решив, что обматерить, послать и проклясть ведьму я смогу и позже, скрипнула от
бессильной
злости зубами и поинтересовалась:

– Так что с ней стало?

Эдара резко вздохнула, судорожно закусил губу. Было видно, она тщетно пытается
справиться с
волнением и вернуть себе невозмутимость, которой только что козыряла.

– Я... не знаю. Но обязательно выясню! – воскликнула порывисто, прежде чем я её
всё-таки
обматерила. После чего заговорила быстро, выталкивая из себя слова, добавляя
моей черепной
коробке новые трещины и сколы.

Оказывается, сегодня утром камеристка Даниэлы обнаружила свою госпожу в спальне
на полу
мёртвой. Ну или не совсем мёртвой, так как примчавшейся на крик служанки Эдаре
удалось
«поймать» душу воспитанницы прежде, чем та покинула её тело и бrenную землю.

– Теперь она здесь, у меня возле сердца. – Эдара прижала руку к груди, прикрыв
ладонью кулон с
массивным тёмно-зелёным камнем, в сердцевине которого мерцали и переливались
чёрные и
золотые песчинки.

Симпатичное пристанище для души.

– Зачем же было притаскивать сюда меня, если у вас на шее висит побрякушка с душой вашей воспитанницы? Запихните её обратно в тело, оно ведь целое, и нет проблемы.

Я осмотрела ноги-руки, опустила взгляд на чужие окружности, убеждаясь, что всё с этой оболочкой в порядке, и только тут поняла, что ещё не видела временно своего лица. Интересно, какая теперь я?

Но в зеркало посмотреться ещё успею. Сейчас куда важнее получить как можно больше ответов.

♣– В этом-то и заключается самое интересное. И самое страшное, – глухо призналась блондинка. – Её душа поражена тьмой и, пока я не очищу её от этой скверны, не смогу переселить Даниэлу в её тело. Иначе тьма захватит и его, уничтожит в считанные дни. Это как проказа или гангрена. Стоит тьме соприкоснуться с телом, и его уже ничто не спасёт.

Одним словом, жуть.

– К счастью, я вовремя извлекла из него душу. Теперь я сдерживаю тьму, не даю ей распространиться и поглотить саму суть Даниэлы. На это уходит много сил, но я справлюсь. – Эдара прижалась губами к камню и чуть слышно прошептала: – Обещаю, Дани.

Я сидела, как веслом прибитая. Ещё каких-то пять минут назад я была уверена, что свалившееся на мою голову замужество – самая большая моя проблема. Ну и ещё то, что застряла в другом мире и чужом теле. А теперь получается, что за этим самым телом, возможно, ведётся охота?

А вот это уже совсем фигово.

– Выходит, кто-то пытался её убить? Проклясть? Откуда взялась эта тьма?!

– Необязательно убить. Возможно, Даниэла сама спровоцировала эту трагедию. Она у меня любит... экспериментировать. В том числе и на себе. – Эдара тяжело вздохнула. – Сколько раз я её предупреждала: Дани, не прибегай к запрещённому колдовству, к древним таинствам, к тому, что не понимаешь, а значит, не знаешь. Но она всегда поступала по-своему. Своенравная девчонка... В спальне обнаружили следы проведённого ритуала. Если узнаю, что она затевала, смогу скорее со всем разобратся и отправить тебя обратно.

Говорила она, конечно, складно, вот только градус страха и волнения всё равно не

понижался.

– Но вы же не исключаете версию, что это могла быть попытка убийства? Например, её дражайший жених Редфрит решил не прощаться с холостяцкой жизнью. Или какая-нибудь ревнивая соперница, тоже вознамерившаяся стать королевой. Да мало ли! И если это правда, выходит, ходячая мишень теперь я?

Повисшую было тишину нарушил нервный стук ведьмовского каблука.

– Его величество точно не причастен к этой трагедии. Да, у них с Даниэлой... хм, несколько непростые отношения, но он бы ни за что ей не навредил. Только она одна может стать матерью его детей. По нашим законам, король должен обзавестись наследником прежде, чем ему исполнится тридцать пять, иначе он потеряет власть. Его величество долгое время не желал жениться, тянул до последнего, хоть в жёны к нему рвались самые изысканные красавицы нашего и других королевств. Но он упорно отвергал одну за другой. Иногда мне кажется, что он в принципе не способен любить и чувствовать... – пробормотала Эдара. Вскинув на меня взгляд, добавила: – У короля осталось всего два года, чтобы обзавестись наследником. Это не так уж много, если учесть, что беременность может наступить не сразу, прерваться или вдруг, не дайте Светлейшие, родится девочка. Хотя, уверена, ведьма Редфрита позаботится о том, чтобы ни одна из этих бед не коснулась королевского наследника.

У короля тоже есть ведьма? О майн гот.

– Ладно, с тирана снимаем подозрения. Тогда у меня новый вопрос. Можно сказать, на миллион. Почему Редфрит так ненавидит вашу Даниэлу?

Блондинка вздохнула. Устало, тяжело, почти безнадежно.

– Даниэла – очень одарённая девушка. Светлейшие наградили её не только даром магии, но и острым, пытливым умом. Ей всего двадцать один, а её знаниям могут позавидовать умудрённые опытом чародейки вроде меня. Ну и, как уже сказала, Дани питала особую слабость... питает, к древним, запрещённым ритуалам, многие из которых уже давно предали забвению.

– Хотите сказать, она каким-то стрёмным заклятием привязала к себе короля?

Теперь понятно, почему он так на неё зол. Отвергал красотку за красоткой, воротил от невест нос, а

тут одна ретивая барышня с нехилым запасом знаний и магии взяла его и окольцевала. Даже мнением его не поинтересовалась.

Хех, добро пожаловать в клуб насильно женатых, Ред. Составишь мне компанию. Только сразу предупреждаю, я твоему обществу совсем не рада.

Эдара поджала губы.

— Редфрит не владеет магией, как и большинство мужчин нашего мира, но надёжно защищён

▲заклинаниями своей ведьмы, Мильдгиты. Я до сих пор теряюсь в догадках, как Даниэле удалось пробиться сквозь его защиту, какими чарами нужно было воспользоваться, чтобы совершить подобное. — Теперь моя похитительница выглядела раздосадованной, кривилась и нервно стучала по подлокотникам кресла пальцами. — Отныне только с ней одной он сможет иметь детей. Редфрит Галеано надеялся выбрать себе в жёны ту, которая удовлетворяла бы всем его требованиям, а в итоге и вовсе лишился выбора.

Лжёт или говорит правду? Всё действительно так и было? Пока что сложно понять. Сложно разгадать человека, с которым едва успела познакомиться.

— Воспитанницу свою не пробовали спрашивать, как она всё это провернула?

— А ты как думаешь? — усмехнулась колдунья. — Когда я об этом узнала, мы с ней чуть насмерть не разругались. И его величество её тоже... спрашивал. Очень настойчиво... хм, интересовался, но помимо того, что Даниэла умна и талантлива, она ещё очень упряма. Никому не призналась, ни словечка мне не сказала, хоть ещё каких-то несколько месяцев назад она доверяла мне все свои тайны. — Обида в голосе Эдары смешалась с тоской и горечью.

Так, стоп! Не хватало ещё жалеть эту дамочку. Сочувствую, конечно, что ей попала такая проблемная ученица, но я-то тут при чём? Кто посочувствует мне? И вообще...

Должно быть, из-за того, что голова всё ещё была мутной, невозможно тяжёлой, я соображала медленно. Очень. В частности, не сразу поняла, спохватилась и забеспокоилась о себе любимой.

— Постойте-ка... Если я здесь, Даниэла тоже здесь, то кто тогда там? Я хочу сказать, кто сейчас находится во мне?!

Паника, накатившая штормовой волной, заставила подскочить с кресла и раненым

зверем

заметаться по королевским квадратным метрам. Даже боль в мышцах отошла на второй план,
вместе с мыслями о тиране муже и страхом за свою временную (надеюсь!) шкуру.

– Никто, – просто ответила Эдара, как если бы я интересовалась, кто принесёт мне утром в постель стакан апельсинового фреша.

– То есть как это никто? – От ярости, полыхнувшей с новой силой, даже дыхание перехватило, а кожу, всё тело, болезненно закололо, будто меня снова и снова ударяло током. – Меня что, похоронят? И куда тогда, по-твоему, я должна буду вернуться? В мёртвое дело?!

– Успокойся, Даниэла.

Поднявшись, ведьма попыталась ко мне приблизиться, но я дёрнулась, отшатнулась, прытко переместившись за спинку кресла. Так себе, конечно, преграда, но всё же лучше, чем находиться с ней рядом.

– Всё с твоим телом будет в порядке. Твои близкие решат, что ты просто крепко уснула. Сердце твоё бьётся, воздух насыщает твои лёгкие. Уверена, ваши целители о тебе позаботятся.

Говоря по-простому, я в коме. И это очень-очень плохо. Представляю, что творится с мамой, да и отец наверняка переживает. А ещё досадует. Что свадьба сорвалась.

Наверное, сорванная свадьба – единственная крошечная капля мёда в огромном чане, полном дёгтя.

– И опять же, почему я должна верить вам на слово? Сердце бьётся, воздух насыщает лёгкие... А если не бьётся? Если уже ничто ничего не насыщает? Где гарантии?!

Теперь покалывания концентрировались в кончиках пальцев и так вдруг захотелось вскинуть руки, направить их на чёртову колдунью, что я едва справилась с этим искушением.

Может, и зря, что справилась. Лучше бы наконец дала волю чувствам.

– Значит, в тебе проявляется её сила... Интересно. – Мадам ведьма чуть заметно нахмурилась, а потом задумчиво хмыкнула. – Это и хорошо, и плохо одновременно.

– Что здесь плохого и что хорошего? – буркнула я, наблюдая за тем, как по ладоням Даниэлы разбегаются, стягиваясь к подушечкам пальцев, искры вроде тех, которыми я шибанула в карете

Редфрита.

– Плохо, что мне придётся обучать тебя ещё и магии, контролю над ней, чтобы ты не навредила ни себе, ни своему окружению.

Некоторому... окружению мне вот прямо сейчас очень хотелось навредить.

♣— А хорошо, потому что с магией ты неотличима от моей девочки.

– Из того, что уже успела о ней узнать, могу с уверенностью сказать, что у нас разные характеры.

– Я бы с тобой поспорила. – Чародейка скептически хмыкнула.

– В отличие от вашей миары, я девушка рассудительная. И уж точно не чокнутая бунтарка.

– Тебе напомнить, что ты сбежала с собственной свадьбы?

– Я не сбежала. Ты меня похитила!

– Так уж ли? – дёрнула уголком губ Эдара. – Ты согласилась за мной пойти. Добровольно.

– Ещё скажи, побежала, – съязвила я, а потом с горечью в голосе поинтересовалась: – Почему я? Почему ты выбрала именно меня?

– Всё очень просто. Из-за твоего имени. Имя, данное человеку при рождении, становится неотделимым от его плоти. Только Даниэла-Бланка-Федериция может находиться в этом живом сосуде. Душу любой другой девушки тело моей миары попросту отвергло бы. И ты, моя дорогая, единственная с таким именем, которую мне удалось отыскать.

Имя? Моё дурацкое, непонятное имя? Вот в чём причина?

Пройдясь по спальне, устало опустилась на край кровати и уставилась перед собой невидящим взглядом.

Значит, всё-таки имя...

Ну спасибо тебе, мамочка, за то, что я так влипла!

Вообще, родители собирались назвать меня... нормально. По-человечески, я бы даже сказала.

Александрой, Сашенькой. Я бы и против Шурочки не возражала. Всё лучше, чем московская девочка Даниэла-Бланка-Федериция.

А ведь должна была родиться Александра Ласкина. Ну красиво же звучит, правда? Как по мне, так

просто отлично. Но всё испортила мама.

Накануне родов ей приснился сон, в котором некий голос свыше велел назвать дочку тройным заковыристым именем. Только с ним её кровиночка якобы обретёт счастье, а став Сашенькой, всю жизнь будет маяться, так и не найдёт своё место в мире.

Утром мама заявила всей родне, что Сашенькам в их семье нет места. Дочь будет Даниэлой — и точка! Никакие возражения не принимаются, решение не меняется.

За свою сознательную жизнь я ни разу не видела, чтобы мама спорила с отцом. Она всегда безропотно выполняла все его требования, и в этом мы с ней совершенно не похожи. Я с папой, что кошка с собакой. Отношения с Петей, на которые согласилась, пусть и без особого энтузиазма, были исключением из правил. Наверное, потому что он мне, в общем и целом, нравился. До тех пор, пока не стало ясно, что Оболонский потенциальный гуляка.

Но в случае с именем Ирина Афанасьевна оказалась непреклонна. Уж не знаю, почему отец её послушался, для меня это по-прежнему тайна, покрытая мраком, но я стала не Сашенькой, а Даниэлой.

Кто ж знал, что в другом мире моя ровесница с точно таким же именем вляпается во что-то совершенно непонятное (и явно опасное), а мне придётся за неё отдуваться.

— На сегодня, думаю, достаточно. — Эдара подхватила оставленные на кофейном столике перчатки и добавила: — Завтра я продолжу знакомить тебя с твоей новой жизнью. Временной, разумеется. А сейчас тебе нужно отдохнуть перед праздником. Сон поможет твоей душе окончательно соединиться с телом, и все неприятные ощущения пройдут. Обещаю.

— Как обещаешь вернуть меня обратно?

— Именно, дорогая.

Я покачала головой:

— Нет, так не пойдёт. Мне нужны не слова, а гарантии, что я действительно вернусь на Землю и мне будет куда возвращаться. А иначе я ради вашей аферы не пошевелю и пальцем. Буду пытаться рассказать всем правду, терять сознание и снова пытаться, пока мой новоявленный муж не начнёт
▲подозревать, что со мной что-то не так. Как вам такой план?

Если судить беспристрастно, то мадам ведьма была женщиной очень даже интересной. На вид лет сорок или чуть больше. Высокая, стройная, с идеальной осанкой. По кошачьи большие зелёные глаза, широкие брови вразлёт. Острые скулы и нос с горбинкой её совсем не портили, придавали её лицу некое выражение хищности и в то же время делали его очень живым и харизматичным.

Но стило ей недовольно скривиться, как вся её красота исчезала, пряталась за искажившей лицо гримасой. Вот как сейчас.

Колдунья шагнула ко мне и, хищно щурясь, процедила сквозь зубы:

– Пойми, дорогая, ты не в том положении, чтобы диктовать условия. Ты добровольно за мной пошла и теперь находишься в моей власти. Твоя жизнь зависит от меня.

– А от меня зависит будущее вашей воспитанницы. Ну так что, – я скрестила на груди руки, всем своим видом показывая, что не собираюсь пугаться и пасовать, – будут гарантии?

Стрельнув в меня злым взглядом, чародейка с досадой сказала:

– Ладно! Подойди ко мне. Живее! Я не кусаюсь.

Приблизилась я к ней не без опаски, совершенно справедливо ожидая какой-нибудь подлянки. Вздогнула, когда ведьма схватила меня за запястье и занесла надо мной непонятно откуда взявшийся у неё в руке нож. Изящный такой стилет, совсем не похожий на массивный ритуальный кинжал, которым часом ранее полоснул по ладони Даниэлы священник. От того пореза не осталось и следа, а от укола остриём ножа Эдары на безымянном пальце проступила алая капля.

Уколов и себя за компанию, колдунья начертала в воздухе какую-то закорючку, тут же ярко заискрившуюся, и перед моими глазами раскрылся свиток, испещрённый тёмными незнакомыми буквами. Как ни странно, те складывались во вполне понятные слова и фразы.

– Читай, – сухо велела Эдара.

Пройдясь по строчкам внимательным взглядом, я ответила ей в тон:

– Не согласна на пункт про «быть послушной воле мужа». Этот ваш муж собрался заделать мне ребёнка. Пусть дожидается вашу миару и с ней в своё удовольствие плодится и размножается.

Колдунья посмотрела на меня как-то... снисходительно.

– Король – мужчина во цвете лет со своими естественными потребностями. Он в праве требовать отношений с законной женой. А сейчас, пусть и временно, его жена – это ты, Даниэла. Говорят, Редфрит – непревзойдённый любовник. Пылкий, опытный, неутомимый. Будь с ним поласковой, и тебе понравится.

Интересно, и кто это говорит и где опыта набирался... Впрочем, не важно! Я, конечно, планировала расширить свои сексуальные горизонты, но уж точно не с таким грубым, неотёсанным типом. А ещё король называется. Варвар! Самый настоящий.

Да, Даниэла пощекотала ему нервы, но это не повод устраивать ей брачную ночь прямо в карете!

– Повторяю, спать я с ним не собираюсь.

Заметила, как что-то нехорошее сверкнуло в глазах Эдары, а в следующий миг она схватила меня за руку и впечатала мой кровотокающий палец в пергамент.

– Поздно, милая. Ты подписала договор.

– Но... – Я вырвала руку, отскочила от подлой колдуньи.

А та, мерзавка такая, мазнула по бумаге окровавленным пальцем, и договор, вспыхнув, исчез в воздухе.

– Теперь мы обе связаны обязательствами. Свои обещания я выполняю, магия не позволит мне от них отступить. Но и тебе придётся придерживаться условий нашего договора. Со своей стороны обещаю сделать твоё пребывание в этом мире приятным и полностью безопасным.

– Приятным? Ты издеваешься? Меня насильно выдали замуж за тирана! Что здесь приятного?!

– Поспи, Даниэла. Сон поможет тебе успокоиться и принять действительность.

♣– Не хочу я спать!

А хочу бунтовать! Не всё же только леди Фонтан показывать характер.

Ведьма схватила меня за руку и потащила к кровати. Попыталась вывернуться, но не тут-то было.

Силы этой даме было не занимать, а может, в ход снова пошла тяжёлая артиллерия – чары, потому что я вдруг почувствовала, как тело слабеет, а веки сами собой начинают слипаться.

– И всё равно я не понимаю, почему было не рассказать Редфриту правду? –

пробормотала и
поняла, что у меня уже и язык заплетается. – Ну отложили бы свадьбу, пока душа
этой
экспериментаторши находится в магчистке. Уверена, Ред был бы не в обиде.

– На сегодня довольно вопросов.

– Не-е-ет, я только начала. Кто такой Теобальд? Что за Тёмный ритуал будет после
праздника? Во
что я всё-таки вляпалась?

Вопросы уже не срывались с губ, а сползали с них невнятными звуками. Комната
таяла, меркла.
Голова тяжелела. Стоило ей коснуться подушки, как окружающая обстановка противно
завертелась. Пришлось прикрыть глаза. Не успела я это сделать, как сразу же
оказалась в оковах
сна.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора: <https://litmarket.ru/valeriya-chernovanova-p106954/books>